

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	6
Исследование	9
Император Александр I и профессор Г.Ф. Паррот: роман в письмах	10
Паррот на пути в Россию и к профессорской кафедре	15
Профессор и император в 1802–1812 гг.: десять лет личных встреч и общения	26
Обсуждение государственных дел	51
Разрыв прямых связей и попытки Паррота восстановить дружбу	87
Судьба переписки, история ее изучения, особенности публикации	110
Публикация оригинальных текстов на французском языке	131
Перевод	133
Комментарии	592
Список сокращений	678
Метрические и денежные единицы в конце XVIII — начале XIX в.	679
Аннотированный указатель имен	682
Аннотированный указатель географических названий	703
Указатель писем и приложений	723

К ЧИТАТЕЛЮ

В истории Российской империи не так много документов, посвященных дружбе двух людей, которые бы активно участвовали в государственных преобразованиях и обсуждали их в личном общении. Еще меньше таких документов, если один из друзей — российский самодержец. Его власть тогда предстает с совершенно иной, «человеческой» стороны; а точнее, очень много может рассказать о монархе даже не он сам, а его друг — это видно по тональности их общения, по тому, какие общие переживания они разделяют, какие идеалы и мечты связывают их между собой.

Для Александра I таким другом был профессор физики Дерптского университета Георг Фридрих Паррот. Несмотря на разность в возрасте и происхождении, обоим связывала верность идеям Просвещения, надежда улучшить жизнь русского народа и других народов Российской империи через распространение образования, дарование справедливых законов, мудрую внутреннюю и внешнюю политику. К тому же один из них, Паррот, был неисправимым романтиком, верил в силу мечты, в героизм и благородство на службе государству, в искренность чувств, связывавших простого подданного и монарха. Он доказал это, сохраняя безграничную преданность Александру I на протяжении всего его царствования и даже тогда, когда они не могли уже больше встречаться лично и царь, казалось бы, охладил к своим прежним друзьям.

Почти за четверть века профессор написал много писем императору, тот отвечал ему гораздо реже, но тем не менее также с глубоким чувством. А поскольку Паррот пережил Александра I, то он бережно сохранил у себя все, что относилось к их переписке, и лелеял надежду, что когда-нибудь ее прочитают будущие поколения и будут именно по ней судить о его времени

и его царственным друге. «Изобразите меня потомкам таким, каким я был», — попросил однажды Александр I профессора, и тот очень хотел исполнить свое обещание.

С тех пор прошло почти двести лет, но по целому ряду причин большинство писем так и оставалось непрочитанными. Теперь, наконец, можно восполнить этот пробел и впервые познакомить с ученых-специалистов, и широкий круг читателей, интересующихся русской историей, с этой удивительной перепиской во всей ее полноте.

Данный проект был задуман автором еще в середине 2010-х гг. Его реализация происходила не без трудностей, которые стали особенно драматическими начиная с 2020 г. В то же время следует признать, что долгая вынужденная кабинетная «самоизоляция» значительно способствовала погружению в мир писем и их успешной расшифровке и даже отчасти сроднила автора с тем кабинетным затворником, который двести лет назад так пылко и восторженно желал блага России и ее императору. Но, конечно, уединенная работа не могла бы быть успешной без помощи друзей и коллег-историков, которые мотивировали автора на ее окончание, а также своими содержательными замечаниями и дополнениями значительно обогатили итоговый результат.

Я приношу глубокую благодарность доценту Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Ю.Е. Грачевой, многочисленные архивные разыскания которой серьезно углубили контекст писем; сотрудникам Германского исторического института в Москве Д.А. Сдвижкову и А.В. Доронину за бесценную дружескую и научную поддержку; тартуским ученым Э. Тохври и П. Мюрсепу, с чьей помощью мне впервые удалось прикоснуться к пространству Дерптского университета, где работал Паррот; сотрудникам Латвийского государственного исторического архива в Риге и в особенности заведующей отделом использования Г. Минде, предоставившим прекрасные условия для работы с письмами. Также я выражаю искреннюю признательность Российскому фонду фундаментальных исследований, поддержка которого (грант № 20-09-00162) позволила финансировать научные исследования и перевод писем.

В конце хотелось бы высказать самые теплые слова в адрес Веры Аркадьевны Мильчиной, ведущего научного сотрудника

ИВГИ РГГУ, замечательного филолога, историка и удивительно-го переводчика. Ее глубокое чувство языка, знание культурного контекста эпохи, наконец, искренняя увлеченность переживаниями героев — все это позволило им обрести те уникальные средства выразительности, те подчас единственные слова, которые и ныне, надеюсь, смогут затронуть сердца наших читателей так же, как они это делали в далеком прошлом.

*Андрей Андреев,
Москва, ноябрь 2022 г.*

Исследование

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И ПРОФЕССОР Г. Ф. ПАРРОТ: РОМАН В ПИСЬМАХ

Георг Фридрих Паррот (1767–1852) — ученый-физик, который родился в германском княжестве Вюртемберг, а большую часть жизни провел на территории Российской империи. В 1802–1825 гг. он занимал кафедру физики в Дерптском (ныне Тартуском) университете. Также он являлся первым ректором этого университета и значительно способствовал развитию в нем научного и учебного процесса. В 1826 г. Паррот был избран в действительные члены Академии наук, переехал в Петербург, где и оставался до конца жизни, продолжая научную деятельность.

При этом в историю России профессор Паррот вошел не только как ученый, но и как собеседник и личный друг императора Александра I. Свидетельством этого общения является их обширная переписка, введению которой в научный оборот и посвящена данная книга.

В период либеральных преобразований начала XIX в., связанных с воцарением Александра I, Паррот принадлежал к целой плеяде друзей молодого императора, в которых тот нуждался для обсуждения важнейших политических реформ в России. В этом смысле переписка между Парротом и Александром I служит очень редким примером доверительных отношений, соединявших самодержавного правителя огромной империи и одного из его подданных, который использовал эту связь не для личной выгоды, но пытался дать толчок изменениям, направленным на улучшение состояния всей страны.

Чисто с количественной точки зрения эта переписка занимает, по-видимому, второе место среди всей личной корреспонденции Александра I (уступая по объему лишь переписке царя

с его швейцарским воспитателем Ф.-С. Лагарпом). По обычаям своего времени переписка велась на французском языке. Всего в ней содержится свыше 180 писем Г. Ф. Паррота за 1802–1825 гг., к которым зачастую прилагались подробные записки по различным проблемам внутренней и внешней политики России, а также 38 собственноручных писем Александра I, которые в большинстве своем представляют собой короткие записки, пересылавшиеся царем Парроту во время пребывания последнего в Петербурге, но есть среди них и несколько достаточно развернутых текстов.

Содержание корреспонденции охватывает широкий круг вопросов, связанных с реформами в России, на которые дерптский профессор смотрел с общих позиций либерализма, характерного для общественной атмосферы начала XIX в. в целом. Переписка несомненно отражает глубокую веру Паррота в то, что этим же духом был проникнут и его царственный собеседник. Таким образом, очевидно значение, которое имеют данные письма как исторический источник о политических взглядах и проектах Александра I.

Но ценность переписки не ограничивается тем, что она предоставляет богатый материал для изучения истории александровских реформ, — едва ли не в большей степени письма отражают личные отношения корреспондентов, свидетельствуют об их дружеских переживаниях. Можно по праву сказать, что перед нами своего рода «роман в письмах»: среди всех друзей Александра I профессор Паррот как никто иной в своих посланиях смог выразить сентиментальную сторону их общения, которая оказалась неразрывно связана с происходившими политическими событиями и обсуждавшимися проектами реформ. В этом уникальность данной переписки и ее значение для изучаемой эпохи.

О дружбе, существовавшей между Александром I и профессором Парротом, в российской историографии стало известно еще в середине XIX в. благодаря историку и библиографу Модесту Алексеевичу Корфу, который оказался первым и на очень долгое время единственным читателем этих писем (подробнее — в следующем очерке). Именно Корф впервые отметил: «Александр, неведомо для массы, поставил дерптского

профессора в такие к себе отношения, которые уничтожали все лежавшее между ними расстояние. Паррот не только был облечен правом, которым и пользовался очень часто, писать к государю в тоне не подданного, а друга, о всем, что хотел, о предметах правительственных, домашних, сердечных, не только получал от него самого письма самые задушевные, но и при каждом своем приезде из Дерпта в Санкт-Петербург шел прямо в государев кабинет, где по целым часам оставался наедине с царственным хозяином. Александр искал приобрести и упрочить дружбу скромного ученого, нередко доверяя ему свои тайны, и государственные и частные»¹.

Хотя, как будет ясно из дальнейшего анализа, эта фраза слишком упрощенно и даже неточно изображает характер отношений Александра I и Паррота, к тому же полностью игнорируя их внутреннюю динамику, нельзя не признать, что высказывания Корфа должны были стимулировать интерес историков к изучению наследия дерптского профессора. Действительно, такая попытка была предпринята в конце XIX — начале XX в., когда Фридрих Бинеман (специалист по изучению истории остзейских провинций Российской империи) издал на немецком языке книгу, в которой опубликовал в собственном переводе некоторые важные письма Паррота и записки Александра I, а также пересказал содержание других фрагментов переписки². Именно труды Бинемана позволили российским историкам начала XX в., занимавшимся биографией Александра I, более подробно судить об общем характере отношений Паррота с царем и значении их отдельных встреч. Однако в дальнейшем — несмотря на то, что со времени выхода книги Бинемана прошло уже более ста лет! — корректное и полное введение переписки в научный оборот так и не было выполнено. Очерки о Г. Ф. Парроте до самого последнего времени ограничивались изучением его научной деятельности, а также освещением его вклада в историю Дерптского университета. Хотя о его личной дружбе с Александром I и особенностях их переписки

---

¹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 12.

² *Bienemann F. Der Dorpater Professor G. F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902* (далее — Бинеман).

периодически упоминалось в отечественной историографии, но использовались для этого опять-таки цитаты, почерпнутые из трудов Бинемана (и, кстати, по этой причине представляющие собой двойной перевод исходного источника, т. е. сперва с французского на немецкий, а затем с немецкого на русский).

Между тем именно целостное изучение этой переписки позволяет получить действительно новый взгляд на правление Александра I — перспективу со стороны отношений царя с человеком незаурядным, романтически пылким, который не только нес в себе идеалы Просвещения, но и страстно хотел их претворять в жизнь. Называя подобную перспективу «романом в письмах», хочется подчеркнуть, что сама структура переписки содержит, словно в романе, четкое начало, совпадающее со знакомством героев в 1802 г., несколько кульминационных моментов, связанных с их встречами и расставаниями, а также ясно очерченный конец, которым по воле судьбы стало письмо, написанное за месяц до смерти Александра I: в нем Паррот, направляя императору просьбу по поводу пенсии, в последний раз обозревал весь путь, который прошли их отношения. При этом между началом и концом переписки уместилась даже не одна, а несколько политических эпох — от «дней александровых прекрасного начала», минуя борьбу России с Наполеоном, вплоть до «александровского мистицизма» и Священного союза, и каждая из них самым прямым образом влияла на содержание писем. Менялся и характер отношений корреспондентов друг с другом, и именно внимательное чтение «романа» позволяет реконструировать динамику этого процесса. Обе стороны ценили взаимную дружбу и пытались ее сохранить как можно дольше, но расставание Александра I с Парротом было, по-видимому, неизбежно (как это произошло и со многими другими людьми, питавшими дружеские чувства к Александру I). Их окончательный разрыв произошел зимой 1815/1816 гг., а точнее, император не стал возобновлять встречи с Парротом после долгого перерыва, вызванного Отечественной войной, Заграничными походами и Венским конгрессом. Интересно, однако, что согласно внутренней структуре переписки этот разрыв наступил, когда их отношения достигли своей кульминации: в марте 1812 г. Парроту довелось обсуждать с императором самое важное из всего,

что когда-либо звучало в их разговорах, поскольку касалось оно ближайшего будущего российского государства, — решение об отставке М. М. Сперанского.

Паррот остро воспринимал после этого невозможность более видаться с Александром I, как переживал он и раньше сложные моменты их отношений, но переписка с его стороны продолжалась вплоть до смерти императора. Вообще же чувства, эмоции Паррота (и отчасти даже Александра I) — радость по поводу достижений на поприще реформ, горечь от неудач, счастье от встреч, надежды на будущее, тревоги и опасения в настоящем, наконец, любовь к общему благу и неприятие тех, кто на этом пути возводит препятствия, — все это выражено в отдельных письмах с удивительной силой, а их текст обладает несомненными литературными достоинствами, приближаясь к лучшим образцам произведений романтического стиля.

Вышесказанное позволяет сформулировать тезис о том, что если раньше изучение дружеского окружения императора Александра I проводилось исключительно в рамках политической истории или истории идей, концепций государственных реформ, то, на наш взгляд, к нему можно и нужно применять также иные подходы. Необходимо привлекать методы такого недавно сформировавшегося направления, как «история эмоций», в чьем фокусе находятся не сами события и идеи (последовательность действий, речей, проектов и т. д.), а переживания исторических личностей, накопление ими «эмоционального опыта», который столь же реален, сколь и идейный, изменения «эмоциональных стандартов» различных исторических эпох и т. д.¹ Для применения подобных методов прекрасно подходят эго-тексты, и прежде всего письма, где происходит «репрезентация личности самой себе и окружающим»². Дошедший же до нас корпус источников

¹ См. основополагающую статью: *Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90 (4). P. 813–836*; а также новейшую обобщающую монографию: *Plamper J. The History of Emotions: An Introduction. Oxford University Press, 2015* (перевод на рус. яз.: *Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018*) и историографический обзор в кн.: *Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.*

² *Зорин А. Л. Появление героя... С. 43.*

обладает тем дополнительным преимуществом, что сохранились черновики писем, обогащающие анализ непосредственных эмоций пишущего (через колебания почерка, зачеркивания, вставки и изменения смысла тех или иных выражений и т. д.).

Таким образом, изучение переписки императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота ставит перед историком важные вопросы относительно ее значения для обоих корреспондентов, влияния их встреч и общения на принятие государственных решений. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо исследовать не только идейное содержание переписки (обсуждаемые проекты реформ, проблемы внутренней и внешней политики), но и эмоциональную сторону дружбы двух людей, которые находились на столь разных ступенях социальной лестницы. Этот анализ следует начать с обозрения того, каким образом вообще ученый из далекого от России немецкого уголка смог приблизиться к трону российского императора.

ПАРРОТ НА ПУТИ В РОССИЮ И К ПРОФЕССОРСКОЙ КАФЕДРЕ

Георг Фридрих Паррот родился 5 июля 1767 г. в Монбельяре — столице одноименного графства, наследственного владения герцогов Вюртембергских. Отделенное от основной территории Вюртемберга и со всех сторон окруженное Францией (с которой в итоге слилось после 1796 г. вследствие революционных войн), оно располагалось на левом берегу Рейна, неподалеку от границ Швейцарии, в исторической области Франш-Конте. В XVIII в. Монбельяр представлял собой спокойный городок у подножия Юрских гор с населением около трех тысяч человек, преимущественно лютеран по вероисповеданию, занимавшихся ремеслами (славились кузнечное и часовое дело), обработкой сельскохозяйственных культур — льна и конопли, торговлей и даже немного контрабандой (в силу своего изолированного географического положения). Над городом еще высился рыцарский замок — последний свидетель независимости средневекового графства, но казалось, что в новые времена история выбрала для себя другие дороги и ее события никогда уже не будут развиваться в этом укромном уголке Европы. Правда, это ощущение поколебалось

в 1769 г., когда в замке поселился со всем своим двором младший брат правящего герцога Вюртембергского, Фридрих Евгений, а с ним и его старшая дочь, десятилетняя София Доротея. Для веселого времяпровождения своей семьи Фридрих Евгений тут же приказал выстроить летний дворец Этюп, молва о прекрасных садах которого разлетелась далеко за пределы этих мест (вся герцогская резиденция будет потом уничтожена революционными властями). Именно здесь прошло беззаботное детство и юность Софии Доротеи, которая еще не знала, что войдет в историю под именем русской императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I и матери Александра I. Будущий дерптский профессор и мать его обожаемого друга, российского императора, оказались земляками — на такие удивительные и знаменательные совпадения всегда богата история!

Семья Паррота по преданию вела происхождение от шотландских протестантов, но ко времени его рождения уже полностью слилась с местной средой. Отец, Жан-Жак Паррот, был хирургом, а позже стал лейб-медиком герцога Вюртембергского, также ведал инспекцией дорог и даже избирался бургомистром родного города; мать, Мария Маргарита, происходила из семьи фабриканта льняной и тиковой ткани по фамилии Буажоль; многочисленные родственники будущего профессора также служили в Монбельяре и появлялись при герцогском дворе — среди них, вероятно, и его старшие братья, ибо сам он родился последним ребенком в большой семье, после более чем двадцати лет брака родителей. От матери Паррот воспринял религиозность и то представление о христианском благочестии, которое, по собственному признанию, оказало влияние на всю последующую его жизнь. Отец же мало участвовал в его воспитании, занимаясь городскими делами, но показал сыну важность служения общему благу¹.

Интересным и важным является вопрос о языковой идентичности Паррота. Очевидно, что он рос в среде, где постоянно говорили и по-французски, и по-немецки, но тем не менее непосредственно он был окружен именно французским обиходом — его

---

¹ Такие характеристики приведены в автобиографическом письме Паррота, которое тот написал рижскому бургомистру Шварцу в марте 1803 г. (Бинеман. С. 11–12).

мать носила французскую фамилию, а отец — французское имя, так что, строго говоря, и сам он в детстве и юности привык именоваться не Георг Фридрих Пáррот, а Жорж-Фредерик Паррбó. То, что французский язык был для него родным, ярко отразилось в письмах к Александру I, где Паррот демонстрирует виртуозное владение всеми красками и силой слова — но в то же время являет и значительную «неприглаженность» правописания (см. следующий очерк). Последнее, возможно, происходило от того, что в Монбельяре использовался местный диалект французского языка, так что на письме потом приходилось переучиваться. В ходе же дальнейшей жизни Паррот потеряет связь с родной языковой средой: тридцать лет в Лифляндии его будут окружать люди, говорящие только по-немецки (в том числе в его собственной семье), на этом языке он продолжит изъясняться в Петербурге и на этом же языке в конце жизни будет составлять мемуары.

После учебы в местной гимназии (где Паррот встретил земляка, который станет на многие годы не только его другом, но и собратом по ученым трудам, — знаменитого естествоиспытателя Жоржа Кювье) в 15 лет Жорж-Фредерик покинул родной город и был послан родителями продолжать образование в Карловой академии в Штутгарте — главной и самой привилегированной высшей школе Вюртембергского герцогства. Здесь Паррот впервые стал Георгом Фридрихом, выучил немецкий язык, а главное, приобрел весьма основательную подготовку по широкому спектру наук. Высшая школа в Штутгарте, преобразованная из военной академии, в 1781 г. получила все традиционные привилегии университета, но преподавание в ней отражало новые тенденции просветительской мысли. Помимо обычных факультетов — медицинского, юридического и философского — были открыты для обучения прикладным навыкам будущих профессий новые факультеты — искусств, военного дела и экономических наук¹. Именно последним, т. е. политической экономии, и учился Паррот (о чем несколько раз будет вспоминать в переписке с Александром I, выдвигая предложения по финансовым реформам) — однако лишь «pro forma, склонности же

¹ См.: *Uhland R. Geschichte der Hohen Karlsschule in Stuttgart. Stuttgart, 1953.*

влекли его к математике и физике»¹. Одним из ближайших его друзей по обучению стал И. А. Пфафф (будущий выдающийся немецкий математик, профессор Гельмштедтского университета и учитель К. Ф. Гаусса), который живо поддержал интерес юного Паррота к исследованию природы. В этом же с ним был солидарен и Кювье, поступивший в академию и присоединившийся к дружескому кругу Паррота двумя годами позже.

Помимо собственно научных знаний, необходимо учесть, что среда Карловой академии также влияла и на формирование личности и мировоззрение Паррота: она была проникнута идеями зарождающегося немецкого романтизма, течения «Бури и натиска». Достаточно вспомнить, что несколькими годами раньше здесь учился Фридрих Шиллер, который именно в Штутгарте принял окончательное решение посвятить себя поэзии (после чего бежал с учебы), и почитание автора «Разбойников», рассказы о нем сохранялись в студенческой среде.

О ранних проявлениях у Паррота «культуры чувств» в ее романтическом понимании свидетельствует эпизод, который одновременно можно считать вторым из знаменательных пересечений его юношеской биографии с Россией (впрочем, тесно связанным с предыдущим). Великая княгиня Мария Федоровна и ее супруг, великий князь Павел Петрович, совершая заграничное путешествие, не могли, конечно, миновать Монбельяр, а уже на обратном пути остановились в Штутгарте, где 25 сентября 1782 г. нанесли визит в академию. Предание, рассказывавшееся в семье Паррота, гласило, что тому выпала честь от имени студентов выступить перед почетными гостями с речью, в которой бы доказывалось бытие Божие. Но Паррот неожиданно объявил во всеулышание, что не может этого сделать. На вопрос великого князя, не отрицает ли он, что Бог существует, 15-летний юноша ответил: «Я не отрицаю бытие Божие, я чувствую его. Это больше, чем логическое умозаключение»².

В апреле 1786 г. Паррот закончил обучение в академии и поспешил принять предложение, сулившее хороший заработок, — место

---

¹ Собственное выражение Паррота из того же письма 1803 г. (Бинеман. С. 14).

² Этот рассказ впервые прозвучал публично в речи на погребении Паррота: Бинеман. С. 18–19.

домашнего учителя в одной из богатых семей Нормандии. Ради скорейшего отъезда туда он даже отказался от получения ученой степени в Штутгарте, на которую вполне мог рассчитывать. Друзья провожали его с сожалением, но приветствовали обретенную им свободу (чему посвящено шуточное стихотворение, которое при расставании преподнес другу Кювье)¹.

Во время двухлетнего пребывания во Франции (1786–1788) Паррот воспитывал сына графа д'Эриси и жил попеременно летом — в семейном замке Фикенвиль, а зимой — в городе Кане у берегов Ла-Манша, где получил возможность бывать на собраниях лучшего дворянского общества. Впрочем, Паррот чувствовал себя там (несмотря на безукоризненное владение языком) немцем и вюртембержцем; его даже называли «любезный германец». Вероятно, некоторое отчуждение развило его привычку к долгим одиноким прогулкам, во время которых Паррот наблюдал за природой Нормандии, а также за занятиями ее жителей на земле и на воде (именно тогда, например, он с интересом изучал в близлежащем Шербуре укрепления для защиты города от разгула морской стихии — о чем позже упомянет в письме Александру I, посвященном спасению Петербурга от наводнений). Результаты своих наблюдений Паррот заносил в специальный дневник, озаглавленный «Заметки о механике». Первая научная работа Паррота по математике (курс начал арифметики), посланная им в Париж, летом 1788 г. удостоилась одобрения известного французского академика, астронома Ж. Лаланда. При этом в личных письмах из Нормандии Паррот сознательно рисует образ «нежного и преданного друга, оказавшегося в чужих краях», в них уже тогда культивируется романтический идеал дружбы, и легко найти выражения, подобные тем, которые он будет позже писать Александру I, например: «Дар от единственного друга для меня бесконечно дороже всеобщего признания». А в заметках той поры находится составленный для самого себя «рецепт счастья», куда входят «ингредиенты», почерпнутые из трудов Сократа, Катона, Фенелона и Руссо: трудолюбие, терпение, истина, польза, любовь².

¹ Бинеман. С. 27.

² Бинеман. С. 31–36.